

УДК 902-904+39(571.1)

А.И. Боброва, Н.В. Торощина

АНТРОПОМОРФНЫЕ ЛИЧИНЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА БЕДЕРЕВСКИЙ БОР II

Находки антропоморфных изображений в полный рост и личин – большая редкость в археологических памятниках позднего средневековья. В Нарымском Приобье они обнаружены только в двух могильниках – Тискинском и Бедеревский Бор II. Статья посвящена описанию и интерпретации металлических личин XVII – первой половины XVIII в. с урочища Бедеревский Бор, расположенного в 15 км от пос. Напас, вверх по течению р. Тым, в Каргасокском районе Томской области. Могильник оставлен селькупам. Личины из погребения 19 могли иметь отношение к семейным или шаманским духам-покровителям. Куклу из погребения 43 можно рассматривать в качестве иттерма, временного вместилища души умершего человека, похороненной вместе с ним.

Ключевые слова: Тым, Бедеревский Бор II, селькупы, антропоморфы, личины, иттерма, духи-покровители.

Находки антропоморфных изображений – большая редкость в памятниках позднего средневековья Западной Сибири. В Нарымском Приобье они обнаружены только в двух могильниках – Тискинском и Бедеревский Бор II. Работа посвящена интерпретации металлических личин с р. Тым из могильника Бедеревский Бор II. Урочище Бедеревский Бор находится в правобережье р. Тым, в 15 км выше по его течению от пос. Напас, на левом берегу рч. Могильной, правого притока р. Тым. В период средневековья здесь возникли три грунтовых могильника. Личины обнаружены только в одном из них – на могильнике XVII – первой половины XVIII в. [1. С. 26; 2. С. 11]. На площади этого некрополя зафиксировано более 60 могил. Их численность позволяет предполагать, что данный участок бора использовался в качестве места захоронения на протяжении трёх – четырёх поколений. Всего раскопано 52 погребения. Антропоморфные личины найдены в двух могилах – 19 и 43.

В могиле 19 похоронен мужчина около 50 лет. Его останки располагались двумя скоплениями. Череп и часть костей не были нарушены, остальные лежали беспорядочно. На могиле под дёрном обнаружены две металлические личины, вложенные одна в другую. Среди костей найден нож. Обе личины сделаны из жести. *Верхняя*, высотой до 10 см, имеет вытянутый подбородок и подтреугольной формы овал лица. От линии лба до макушки контуры головы оформлены в виде треугольника, вероятно, передающего форму головного убора. *Нижняя* личина, высотой 6,5 см, была подложена под верхнюю. Она отличалась овальными контурами лица, прямо срезанной верхней частью головы и подбородка, отсутствием изображений головного убора. При изготовлении

этих изображений использовались одинаковые приемы. На пластины путём чеканки были нанесены брови, близко посаженные глаза, длинный прямой нос, рот. Брови и нос выдавлены изнутри, глаза и рот выбиты с лицевой стороны. В могиле 43 зафиксированы останки мужчины 40–50 лет в нарушенном состоянии. Рядом с черепом в пятне органики найдены: деревянная оструганная палочка (длина 6 см, диаметр 0,7–1 см) и металлическая личина (3,5 × 2,5 см, толщина 0,7 мм). С погребённым обнаружены медные накладки, серьга «знак вопроса», нож с костяной рукоятью. Личина сделана из свинцовой пластины, наложенной в нагретом состоянии на деревянную основу. У неё выступающий лоб, длинный мясистый нос, щёки. Глаза и рот выполнены в той же манере и технике, что и на личинах из жести. Правая сторона загнута, левая обломана, возможно, намеренно. Анализ изображений позволяет сделать вывод о том, что пластины были наложены на деревянную основу, куклу (?), поэтому их края и оказались загнутыми.

При изготовлении тымских личин был использован металл белого цвета – железо и свинец. Для шаманского мировосприятия эти металлы, как и серебро, являлись символом среднего и нижнего миров, ночного светила и ночи. Известно, что железо получило широкое распространение в сакральной сфере у кетов, селькупов, якутов, бурят, эвенков, нганасан, долган, восточных ненцев [3. Т. 47. С. 74–77]. Ещё совсем недавно лица селькупских идолов высшего ранга покрывали жостью, а раньше серебром или белой бронзой [4. С. 79]. Светлый металл для лиц кукол использовало и население Обдорского Севера в XIX в.: вместо лица на деревянную основу кукол прикрепляли оловянные бляшки или пластины из жести [5. С. 66]. Иконография лиц на

пластинах из Бедеревского Бора II очень характерна для изображений «иттерма», богов и духов самодийских и обско-угорских народов. При изготовлении таких изображений соблюдался определённый канон: лица выполнялись с плоскими щеками, прямым носом, Т-образной линией надбровных дуг. Лица мужского пола обычно имели остроугольное оформление головы. Лица женщин и контуры головы делали округлыми. Причём важнейший символ, связанный с образом божества и его рангом у коренных жителей тайги, заключался в оформлении верхней части головы идола. «Остроголовость», как правило, символизировала воинский головной убор – шлем. Боевые сфероконические шлемы были принадлежностью профессиональных воинов-богатырей. Она являлась специфической чертой раннесредневековых антропоморфных личин, фольклорных героев и богатырей [6. С. 149; 4. 84–87].

В Западносибирском регионе изготовление металлических личин и антропоморфных фигур практиковалось с раннего железного века и было связано с носителями кулайской культуры [7. С. 41–44, 74–76; 8. Рис. 31, 1–12, 21; 9. С. 125]. Продолжателем этой традиции стало население раннесредневековой рёлкинской культуры. Личины могильника Рёлка Л.А. Чиндина рассматривает как изображения героев-богатырей. Она считает, что в этом могильнике зафиксирован и обычай погребения кукол, а найденные антропоморфные личины были масками для кукол, которые, по видимому, исполняли роль вместилищ души [10. С. 41–48; 11. С. 54–65]. В Сургутском Приобье деревянные куклы и куклы с металлическими личинами известны в памятниках VIII–IX вв. Куклы Сайгатинского могильника с остроголовыми личинами и косами Н.В. Черкасова интерпретировала как посмертные изображения предков-воинов – «тонгхов» [12. С. 24]. К.Г. Карачаров считает, что они могли знаменовать «смерть» самого изображения, олицетворяемой им души (духа) или человека. Поэтому среди кукол и личин он выделяет изображения *умерших, живых людей и божков* [13. С. 46–49]. В Нарымском Приобье личины и куклы обнаружены в Тискинском могильнике позднего средневековья. Куклы в берестяных свёртках А.И. Боброва интерпретирует как вместилища душ особо почитаемых предков и шаманов, похороненных на этом могильнике [14. С. 9–10]. Обычай делать после смерти родственника изображение умершего как временное вместилище одной из душ находит аналогии у многих сибирских народов – обских угров, самодийцев,

кетов [15. Т. 51. С. 117; 16. Т. 27. С. 213], селькупов – кэдо [17. С. 86], ненцев – сидрянг [18. Т. 27. С. 243], кетов – дангольс [19. Т. 27. С. 271].

В большинстве случаев эти изображения переходят в состав духов-предков, охраняющих семью. Однако есть сведения, что иттерма простого человека по прошествии трёх лет хоронят. Тазовские ненцы куклу делали спустя 7–10 лет после смерти человека и держали её вечно. У ненецких родов хантыйского происхождения после смерти человека старше 7–9 лет тоже делали изображение. Его вытёсывали из осины, вместо лица вставляли металлическую пластину. Спустя 3 года изображение хоронили отдельно от покойного, но вблизи его гроба. По данным обско-угорской этнографии известно, что изображения умерших после смерти последней представительницы семьи (хранительницы изображений) хоронили вместе с ней или сжигали. Иттерма молодых женщин, девушек и детей хоронили в могиле или в лесу. Изображения шамана, старейшего мужчины, уважаемого старика хранили в священном сундуке вместе с духами – покровителями семьи. После их смерти хозяин духов-помощников оставлял эти изображения под деревом на святилище в специальном амбарчике или зарывал на кладбище [20. С. 59–60; 15. Т. 51. С. 213; 21. С. 91–98; 6. С. 179]. О существовании домашних «богов» или «болванов» в жилище северных остяков есть сведения в документе 1784 г. «Иноверцы Берёзовской округи болванов имеют деревянных из обрубка лесины разной величины, на оных вырезают рожи, ...а другие свёртывают из платя и одевают в мужское и женское платье, а *рожи приделывают высеченные на тонком железе, коих содержат в домах*» [21. С. 91]. По материалам А.В. Бауло, в пос. Ханты-Мужи одна из деревянных фигур имела лицо, закрытое жестяной пластиной с выступающими вперёд линиями лба и носа. Деревянные фигуры духов с лицами, закрытыми железными масками, хранятся в пос. Зелёный Яр. Одна из них, с плоской головой, овальной формы, спереди охвачена железной «маской» [21. С. 93]. Эти описания по иконографии близки личинам с Бедеревского Бора II.

Обычай изготовления кукол простых людей, шаманов и духов существовал и у васюганских хантов. Их хранили в амбарчиках, держали в коробках. Изображения домашних духов делали из дерева, металла, иногда ими могли быть камни. Деревянные изображения вытёсывали как остроголовыми, так и круглоголовыми [22. С. 132–133. Рис. 31]. У нарымских селькупов тоже существовали подобные представления. Каждая селькупская семья имела домашних или семейных

духов/лозов – куклу («кулага»). Жизнь селькупов была тесно связана с его двойником-куклой – деревянной антропоморфной фигурой высотой от 5 до 30 см. Её кормили, одевали, меняли ей одежду. Изображения «кулага» хранили вместе со всеми домашними куклами в специальных туесках. Куклу возили с собой во время сезонных перекочёвок. Девушка, выходя замуж, забирала её с собой. Мужчина, уезжая надолго из дома, также забирал свою куклу. После смерти хозяина куклы её уничтожали. Одни полагали, что в старину такие фигурки сжигали, другие – что их бросали в воду. Кукол, оставшихся без хозяина-хранителя, которыми никто не занимался, уносили в лес или сжигали без соблюдения обрядов [17; 23. С. 57–70]. В числе разновидностей селькупских домашних духов были и «кава лозы». В селькупском словаре есть несколько значений этого понятия: «кава лоз» – чёрт; идол из дерева; дух моего духа, «душа человека». Среди них различают «кава лозы» простых людей и шаманов. Обычный «кава-лоз» – это изображение покойника, сделанное после смерти человека. Из числа домашних духов они исключались. В священные амбары их не приносили. Скорее всего, кава лозы простых людей уничтожались [23. С. 60]. Возможно, у селькупов, как и у обских угров, по истечении срока траура изображения сжигали, бросали в могилу или хранили на чердаке дома [16. Т. 27. С. 231; 20. С. 142].

Изображения, вместилища душ старейших и уважаемых мужчин у селькупов р. Тым, становились предками-покровителями, их хранили в переднем углу дома. По данным Р.А. Ураева, духи особо почитаемых предков («кова лос») имели человеческий облик. Местом их обитания были родовые и семейные культовые амбарчики, которые имела каждая семья. Отцовских лоз, по утверждениям многих селькупов, держать было нельзя, потому что они приносили не пользу, а вред, поэтому их надо было бросать в лесу, в укромном месте или у *могилы покойника* [24. С. 77–79; 25. С. 143–147]. С учётом вышеизложенного можно сделать вывод о том, что обычай изготовления антропоморфных изображений и личин имеет в Приобье глубокие корни и возник ещё в эпоху раннего железного века. Истоки такого особого отношения к предметам, связанным с телом покойного и его душой, возможно, следует искать в культурах Южной Сибири. Так, изготовление куклы как вместилища души умершего проявилось в погребальной практике носителей таштыкской культуры. В I–IV вв. они, наряду с кремацией отдельных лиц, широко

практиковали изготовление погребальных кукол, которые являлись заменителем тела покойного и, вполне вероятно, конкретным вместилищем его души [26. С. 21–31]. Разнообразие антропоморфных изображений, позволяющее по-разному их интерпретировать (изображения умерших, живых людей, духов и божков), и существующая разветвлённая, иерархическая система многочисленных духов не способствуют однозначному определению места металлических личин из могильника Бедеревский Бор II. Однако сам факт наличия их в некрополе свидетельствует об отношении к этим личинам как к изображениям умерших обычного человека и, возможно, духа-предка или шаманского духа. Так, кукла из могилы 43, по аналогиям с этнографическими материалами, скорее всего, представляла собой вместилище души умершего человека – *иттерма* и была похоронена вместе с покойным. Личины из могилы 19 могли относиться к категории шаманских духов-покровителей или же принадлежать «кава лозам» – помощникам шамана, захороненным после его смерти на родовом кладбище. Эту версию подтверждает наличие на этом некрополе шаманского погребения [27. Т. 1. С. 106–139].

Различия в иконографии личин, сделанных из жести, могли быть связаны с изображениями легендарных богатырей-предков, по преданию отличавшихся остроголовостью. В то же время круглоголовые фигуры рассматриваются специалистами как изображения духов-помощников главного божества культового места. Лица «помощников» часто покрывали металлом, своего рода маской. Разное оформление головы в иконографии личин с могилы 19 может объясняться и их гендерными различиями. В связи с распространённым явлением травестиизма в сибирском шаманстве при жизни шаман обладал способностью принимать женский облик. Это свойство после его смерти мог сохранять его дух. Личинам из жести с Бедеревского Бора II по иконографии близки антропоморфные деревянные и металлические фигуры семейных и родовых духов тымских селькупов из Лымбельского и Ыйского культовых амбарчиков [28. С. 97–109]. Захоронения с антропоморфными личинами из Бедеревского Бора почти не различаются по обряду погребения, но есть различия в местонахождении находок – над погребением и внутри могилы вместе с покойным. Включение личин в предметный комплекс могло быть продиктовано личностными особенностями, профессиональными качествами покойных, иным

их социальным статусом, обстоятельствами или характером смерти. Этнографии известны случаи особого отношения к умершим шаманам, старейшим мужчинам или уважаемым старикам. Их иттерма причислялась к рангу семейных или родовых духов-покровителей. Хранитель духов-помощников оставлял их под деревом на святилище. Кукол, оставшихся без хранителя, уносили в лес. Не исключено, что личины из жести оказались на могиле 19 в результате потери своего хозяина-хранителя.

Таким образом, материалы из могильника Бедеревский Бор II свидетельствуют о том, что в погребальной практике предков тымских селькупов в XVII–XVIII вв. нашли отражение представления о душе умершего и духах-помощниках, наиболее близкие обско-угорскому миру. Наличие изображений человеческих личин у нарымских селькупов свидетельствует о существовании на протяжении длительного времени и сохранении вплоть до этнографической современности общего мировоззренческого пласта в культуре таёжных жителей Приобья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боброва А.И. Отчёт о полевых исследованиях Среднеобского отряда АЭ ТГУ на р. Тым в Каргасокском районе Томской области в 1989 г. // Архив Музея археол. и этногр. Сибири Том. гос. ун-та. Д. № 1057. 48 л. 121 рис.
2. Боброва А.И. Отчёт о стационарных работах Тымской экспедиции ТГУ в 1990 г. в Каргасокском районе Томской области // Архив МАЭС ТГУ. Д. № 1162. 42 л. 94 рис.
3. Павлинская Л.Р. Некоторые вопросы техники и технологии художественной обработки металлов // Материальная и духовная культуры народов Сибири: сб. МАЭ. Т. 47. Л., 1988. С. 71–85.
4. Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьёв А.И. Легенды и были таёжного края. Новосибирск: Наука, 1989. 176 с.
5. Мурашко О.А., Кренке Н.А. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке. М.: Наука, 2001. 155 с.
6. Гемуев И.Н. Мировоззрение манси. Дом и космос. Новосибирск: Наука, 1990. 232 с.
7. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 254 с.
8. Плетнёва Л.М. Томское Приобье в конце VIII – III в. до н.э. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. 108 с.
9. Яковлев Я.А. Иллюстрации к ненаписанным книгам: Саровское культовое место. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 274 с.
10. Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. 193 с.
11. Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 184 с.
12. Черкасова Н.В. Средневековые тонгхи Западной Сибири // Духовная культура Урала: тез. докл. науч. конф. Свердловск, 1987. С. 22–25.
13. Карачаров К.Г. Антропоморфные куклы с личинами VIII–IX вв. из окрестностей Сургута // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 26–52.
14. Боброва А.И. Берестяные свертки с куклами из Тискинского могильника // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: матер. XII Зап.-Сиб. арх.-этнограф. конф. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 9–10.
15. Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // Труды Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. М.: Наука, 1959. Т. 51. С. 114–156.
16. Соколова З.П. Пережитки религиозных верований у обских угров // Религиозные представления и обряды народов Сибири XIX – начале XX века: сб. МАЭ. Т. 27. Л.: Наука, 1971. С. 239–247.
17. Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972. 424 с.
18. Хомич Л.В. О некоторых предметах культа надымских ненцев // Религиозные представления и обряды народов Сибири XIX – начале XX века: сб. МАЭ. Т. 27. Л.: Наука, 1971. С. 239–247.
19. Алексеенко Е.А. Домашние покровители у кетов // Религиозные представления и обряды народов Сибири XIX – начале XX века: сб. МАЭ. Т. 27. Л.: Наука, 1971. С. 263–274.
20. Соколова З.П. Иттерма. Мифология манси. (Энциклопедия уральских мифологий. Т. 2). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. С. 59–60.
21. Бауло А.В. Домашние (семейные) святилища северных хантов // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. № 1 (17). С. 89–101.
22. Кулемзин В.М., Лукина Н.М. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX в.: этнографические очерки. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. 226 с.
23. Пелих Г.И. Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 5–70.
24. Ураев Р.А. Материалы к шаманизму тымских селькупов (по данным экспедиции 1956 года) // Памятники истории, археологии и архитектуры Сибири: сб. науч. трудов. Новосибирск: Наука, 1988. Сер. истории, археологии и архитектуры Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. С. 73–85.
25. Ким А.А. Духи и души тымских селькупов (по заметкам этнографа Р.А. Ураева) // Земля каргасокская: сб. науч.-поп. очерков. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1986. С. 140–147.
26. Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1999. 440 с.
27. Боброва А.И., Максимова И.Е., Торощина Н.В. Погребение с шаманским комплексом вещей на р. Тым // Труды Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. Т. 1. С. 106–139.
28. Селькупская этнографическая коллекция Колпашевского краеведческого музея: Каталог / авт.-сост. А.А. Пихновская. Томск: Ветер, 2007. 280 с.